

Однако эти обобщения не сближены с нормой, идеалом, а представлены в конкретной бытовой обстановке, где с наибольшей наглядностью проявляется обсуждаемая черта общественного или личного поведения.

Такие обобщенные безымянные образы иногда каким-либо намеком прикрепляются к той или иной социальной среде (лицемер, например, во время молитвы в церкви «расчитает прикупы, селы», «сребролюбец» всегда «несыт имения»; Хмель в своей речи рисует поведение пьяниц разного общественного положения и т. д.).

Эти безымянные образы особенно ясно свидетельствуют о способности древнерусского писателя к художественному вымыслу, обобщению наблюдений. Однако авторы, в соответствии со стоящей перед ними задачей, не пытаются расширить рамки вымысла, ограничивая его лишь тем, что непосредственно раскрывает тему: если, например, тема — осуждение лени, то автор собирает лишь те черты поведения ленивого, его положения, отношений с окружающими, которые являются прямым следствием лени, не касаясь всего характера и поведения в целом. Но в изображении этой одной черты писатель достигает не только правдоподобия, но и художественной выразительности. Человек в этих обобщенных образах предстает с «почти ссызаемой наглядностью», однако не «как единичный факт во всей его неповторимой конкретности», не как «частное», а как «общее»,⁴⁹ хотя и показанное с закономерной для эпохи односторонностью. Это и не тип, какой появится в литературе реализма, и не социально-групповой портрет XVII в., но чрезвычайно наглядное описание человека вообще, наделенного данным пороком, его поведения и иногда даже обстановки, в которой он живет. Здесь нет «идеального преобразования» мира и все же видна попытка показать «общее» в рамках действительности «какая она есть».

Именно реалистические обобщенные образы учительной литературы показывают, что вывод И. П. Еремина, будто при изображении жизни «какая она есть» человек «растворялся в калейдоскопе событий», описывался попутно, наряду с остальными «реалиями и фактами» (стр. 79), неправомерно категоричен. Если со значительными оговорками этот вывод еще может быть принят для летописного повествования XII—XIII вв., то, как мы видим из приведенных примеров, взятых из дидактической литературы, здесь все показано через человека, его «внутренний мир, его образ мыслей» и вытекающие из них «поступки» (стр. 79).

Это обстоятельство подрывает и следующие обобщения И. П. Еремина: «Лишь в мире идеала человек под пером древнерусского писателя приобретал все характерные черты художественного образа... Древнерусский писатель, строя свой образ человека... больше „сочинял“ и „изобретал“ чем „воспроизводил“. Он шел не столько от своих наблюдений над жизнью, сколько от своих представлений о ней» (стр. 80). Это верно, и то не до конца, лишь для некоторых образов положительных героев древнерусской литературы — ведь материал для их построения авторы «сочиняли» и «изобретали», частью исходя из «представлений», но частью опираясь и на наблюдения над жизнью, усиливая подмеченное в жизни, очищая от всего, что отдаляет его от идеального «представления». Можно ли, например, утверждать, что «воинский» идеал, воплощенный в прекрасных образах древнерусской литературы, «больше сочинен и изобретен», чем воспроизводит действительные наблюдения над проявлениями мужества, верности родине, воинской чести?

⁴⁹ Ср. в статье И. П. Еремина: «Древнерусский автор, когда обращался к изображению жизни, воспроизводил, как правило, единичные факты во всей их неповторимой конкретности. Предметом его внимания было не общее, а частное» (стр. 76). В учительной литературе именно «как правило» изображается «общее», а не «частное».